

ОТЗЫВ

**официального оппонента о диссертации
Ключеровой Анастасии Олеговны
на тему: «Структура и функции метафор в произведениях А. С. Грина»,
представленной на соискание ученой степени
кандидата филологических наук
по специальности 10.02.01 «Русский язык»**

Описание языковых единиц разных типов как средств художественной выразительности в идиостиле писателя является актуальной задачей современной лингвистики, такого ее направления, как исследование языка художественной литературы, развивающегося в широком филологическом контексте. Среди фундаментальных научных исследований, посвященных лингвистическому анализу индивидуального стиля писателя, можно назвать работы В. Н. Виноградова о Пушкине, В. П. Григорьева о Хлебникове, Н. А. Кожевниковой об Андрее Белом и о Чехове, И. И. Ковтуновой о Пастернаке и др. Во всех этих работах выявленные особенности языка писателя позволяют описать существенные черты его картины мира. Рецензируемая диссертация, посвященная структурной типологии метафор и особенностям их функционирования в текстах А. С. Грина, находится в русле указанного направления лингвистических исследований, поэтому ее **актуальность** не вызывает сомнений.

Автором на достаточно высоком научном уровне изучены и проанализированы известные достижения и теоретические положения фундаментальных исследований по теории метафоры, по структурно-семантическим типам и различным функциям метафор в художественной речи, в идиостиле писателя. Список использованной литературы вполне представительен, он содержит 133 наименования. Выводы и результаты, полученные диссертантом, опираются на результаты анализа обширного языкового материала. Все это позволяет сделать заключение о высокой **степени обоснованности и достоверности** научных положений и выводов, сделанных в работе. Кроме того, достоверность результатов работы определяется и тем, что они опубликованы в многочисленных печатных работах автора и неоднократно обсуждались на различных конференциях.

Опираясь на достижения лингвистов, исследовавших метафору с разных точек зрения – грамматической, когнитивной, лингвокультурологической, психолингвистической, с точки зрения дескрипторной теории, – автор диссертации исследует метафоры Грина в рамках этих теорий, разрабатывает собственный метод построения текстового метафорического поля в произведениях писателя, предлагает типологию функций метафор в текстах Грина, все это позволяет связать тропеический уровень языка

писателя с художественными доминантами его мировоззрения. Такое многоаспектное и комплексное описание метафор в прозе Грина, строгое с формальной стороны и в то же время ярко характеризующее особенности содержательной стороны идиостиля писателя, проводится впервые, что позволяет говорить о **научной новизне** диссертации.

Диссертация состоит из введения, трех глав и заключения.

Во введении обосновывается актуальность и новизна темы исследования, теоретическая и прикладная значимость, определяется его научный фундамент – исследования отечественных и зарубежных лингвистов по теории и типологии метафоры, среди которых автор выбирает в качестве основной базы классификации Т. В. Матвеевой и Ю. И. Левина. Здесь также ставится основная **цель** диссертационного исследования: выявить и описать основные языковые особенности строения и функционирования метафор в прозе А. С. Грина. Поставленной цели диссертационной работы соответствует характер логично поставленных задач, решению которых посвящены основные части работы.

В первой главе автор кратко суммирует основные определения метафоры в отечественной и зарубежной лингвистике, рассматривает классификации метафор по разным признакам, существующие в научной литературе: по частеречной принадлежности, по распространенности употребления, по количеству переносных значений, по структуре и количеству компонентов, и выбирает для использования в своей работе наиболее «строгие, последовательные, полные и значимые» (с. 22) – классификацию Ю. И. Левина по структуре метафоры в зависимости от способа реализации принципа сравнения (метафоры-сравнения, метафоры-загадки и метафоры, приписывающие описываемому объекту свойства другого объекта) и классификацию Т. В. Матвеевой по частеречной принадлежности метафор. Классификация по частям речи успешно применяется автором для характеристики гриновских метафор. Наибольшей частотой употребления, по наблюдениям автора, в прозе Грина отличаются глагольные метафоры, что придает его текстам динамизм. Интересен вывод диссертантки о связи частеречного типа метафор с типами текста – глагольные метафоры чаще используются в повествовании, метафоры-причастия и адъективные метафоры – в описании, метафоры именного типа – в рассуждении.

Далее в первой главе метафоры Грина рассматриваются с точки зрения разных теорий метафоры. Научный аппарат каждой теории позволяет сделать автору важные выводы об особенностях метафор писателя. Так, в результате применения когнитивного подхода Дж. Лакоффа и М. Джонсона к метафорическим контекстам А. Грина автор

диссертации делает вывод, что в его творчестве чаще встречаются онтологический и структурный типы метафоры, которые в ряде случаев взаимодействуют, объединяясь в структурно-онтологический тип. Некоторые ключевые понятия в текстах Грина реализуются целыми сложными комплексами онтологических и структурных метафор разных типов, что показано на примере понятия *Несбывшегося*. Применение дескрипторной теории метафоры (А. Н. Баранов) иллюстрируется метафорическими моделями огня и растения. Рассматривая метафоры Грина с точки зрения лингвокультурологии, автор диссертации приходит к выводу, что в них взаимодействуют различные культурные коды, причем чаще всего используются соматический (в основном реализуется в творчестве Грина посредством лексем *сердце, рука и глаза*), растительный, предметный и антропоморфный, реже – зооморфный и мифологический. К психолингвистическому аспекту метафор Грина А. О. Ключерова относит в основном изучение синестетических метафор, которые, по ее наблюдениям, весьма характерны для писателя, в особенности осязательная синестезия, способствующая развитию читательской эмпатии. В более общем плане диссертантка делает в этой части главы важный вывод о том, что многие индивидуально-авторские метафоры писателя дают ключ к выявлению психологических особенностей и взглядов их создателя.

В качестве достоинства диссертационной работы следует отметить то, что анализ научной литературы по теме диссертации органично сочетается в этой главе с непосредственным рассмотрением языкового материала, уже с первых страниц характеризуя автора как самостоятельного исследователя.

Вторая глава посвящена тщательному анализу структуры и семантики метафор в контексте произведений А. С. Грина, многообразным и сложным отношениям, в которые метафоры вступают друг с другом и с другими элементами текста. Четко и последовательно применяя классификацию метафор, разработанную Ю. И. Левиным, автор диссертации подразделяет их на простые метафоры и метафорические конструкции, а последние, в свою очередь, – на элементарные метафорические конструкции (замкнутые, полужамкнутые и незамкнутые), метафорические цепочки, метафорические сравнения и сложные метафорические конструкции. Согласно выводам автора, в текстах Грина встречаются все эти виды конструкций, но на шкале простоты-сложности писатель тяготеет к полюсу сложности, именно в сложных метафорических конструкциях наиболее полно выражаются «особенности языкового мышления писателя» (с. 66).

Особое внимание автор диссертации уделяет развернутым метафорам, рассматривая различные типы распространителей, расширяющих состав метафорических

конструкций в прозе А. С. Грина (с частеречной точки зрения – прилагательные, наречия, причастия и деепричастия; с точки зрения синтаксической – слова, словосочетания и предложения).

Исследуя метафорические конструкции Грина с лексико-семантической точки зрения, диссертантка делает вывод о том, что для писателя наиболее характерны метафоры с опорными словами, принадлежащими к лексико-семантическим полям «Душа / сердце», «Музыка» и «Мир / страна» (последние называются в работе «метафорами мира мечты» (с. 74)), причем они обычно занимают в текстах «сильные позиции». Эти особенности метафорической системы писателя А. О. Ключерова связывает с развитием в творчестве Грина традиций романтизма, связи его прозы с идеалистической философией, с применением центрального для романтизма принципа универсализма (использования принципа двоемирия). Все эти выводы убедительно иллюстрируются достаточно большим количеством языкового материала. На мой взгляд, этот раздел диссертации является одним из самых интересных и важных для исследования образной картины мира Грина.

Далее во второй главе вводится понятие текстового метафорического поля, с помощью которого на примере повести «Алые паруса» предлагается метод анализа концептуальной структуры произведений А. С. Грина с точки зрения функционирования в них ключевых для писателя метафор.

Функции метафор в прозе Грина – эстетическая, текстообразующая, концептуализирующая, интертекстуальная, характеризующая и миропорождающая – рассматриваются в третьей главе диссертации. Раздел, посвященный концептуализирующей функции, перекликается с разделом второй главы, где рассматриваются «сердечные» и «музыкальные» метафоры; отмечается, что именно на их основе чаще всего осуществляется концептуализация в прозе Грина. С третьей семантической группировкой метафор, «метафорами мира мечты», связано определение миропорождающей функции метафор писателя. Характеризующая функция метафор в его творчестве, по мнению А. О. Ключеровой, заключается в том, что они «служат средством создания внутреннего и внешнего портретов персонажа, а также характеризуют его эмоциональное состояние» (с. 113). Особенно интересен раздел третьей главы, посвященный интертекстуальной функции метафор в произведениях А. С. Грина, где автор диссертации отмечает переключки его метафор мира мечты с мотивом идеального мира в произведениях символистов, влияние литературы Серебряного века на творчество Грина. Кроме собственно литературных интертекстуальных связей, автор отмечает и

идейно-тематические связи творчества писателя с таким духовно-теоретическим направлением, появившимся в России на рубеже XIX-XX вв., как русский космизм, в частности с учением «Живой Этики», или «Агни Йоги». Важную роль в этих связях играют метафорические словосочетания, выражающие основополагающие идеи «Агни Йоги» и в то же время ключевые в творчестве Грина. Метафоры Грина могут полностью совпадать со словосочетаниями, выражающими центральные понятия «Живой Этики»: *космический океан, колесо жизни*, а могут быть их вариантами: *блистающий мир* А. Грина – *Мир Огненный* «Агни Йоги».

Рассмотрение автором языкового материала во всех главах диссертации отличается тщательностью, тонкостью наблюдений, умением делать важные научные выводы. После прочтения диссертации А. О. Ключеровой можно сделать вывод, что она является оригинальным и самостоятельным исследованием: автору диссертации удалось проанализировать метафоры А. С. Грина с разных точек зрения, результатом чего явилось достаточно полное и непротиворечивое описание метафорики писателя в структурном, семантическом и функциональном аспектах, с применением аппарата современных теорий метафоры.

Теоретическое значение рецензируемой диссертации заключается в том, что она вносит вклад в исследование образной составляющей идиостиля писателя. Результаты исследования могут быть применены в курсах лекций по изучению языка художественной литературы, по лингвистическому анализу художественного текста, при подготовке спецкурсов и спецсеминаров по языку русской литературы и по теории метафоры. Как отмечает сам автор, материалы исследования могут быть использованы в авторской лексикографии, при создании словаря языка А. С. Грина.

Мои замечания к диссертации сводятся к следующему:

1. К научным исследованиям метафор в художественной речи, составляющим теоретическую базу диссертационного исследования, можно было бы добавить работы В. М. Жирмунского о метафоре в поэзии русских символистов, А. Д. Григорьевой о языке Тютчева, Н. А. Кожевниковой – книгу о словоупотреблении в языке русской поэзии начала XX века и статьи о метафорах в произведениях Фета, Бунина, Замятина, Платонова. Кроме того, в списке литературы отсутствуют работы Т. В. Матвеевой и Л. Т. Елоевой, которые рассматриваются в диссертации.

2. В качестве материала исследования указаны тексты «романов “Блистающий мир”, “Бегущая по волнам”, феерии “Алые паруса”, новеллы “Фанданго” и др.» (с. 6).

Материал исследования желательно было бы представить полностью. Если взяты не все произведения, надо обосновать выбор.

3. Ряд употребляемых диссертантом терминов требует уточнения или корректировки. Так, многократно повторяется такая характеристика метафор Грина, как «объемность» (с. 7, 31, 51, 66, 74, 75, 131 и др.). Это понятие требует определения. На с. 139, уже в заключении диссертации, указано, что для произведений Грина «характерны объемные метафоры, включающие в свой состав несколько компонентов». Если это и есть определение этого термина, то следовало бы привести его не в конце, а в самом начале работы, при первом его появлении.

На мой взгляд, не вполне корректен термин «когнитивные метафоры» (с. 28–44), лучше было бы назвать этот раздел работы «анализ метафор с точки зрения когнитивной теории».

Требует уточнения понятие текстового метафорического поля (с. 77 и далее), определение его центра, ближней и дальней периферии.

Представляется не вполне корректным употребление термина «переносное значение» по отношению к индивидуально-авторскому переосмыслению понятий писателем, например «значение “жизнь – судьба” лексемы *игра*» (с. 81–92).

4. Некоторые утверждения диссертанта нуждаются в корректировке. На с. 20 диссертации указано, что теория интеракции развилась на основе разработанного Дж. Лакоффом и М. Джонсоном подхода к пониманию метафоры. Это утверждение неверно, так как теория интеракции (взаимодействия) возникла раньше теории Дж. Лакоффа и М. Джонсона.

На с. 44 диссертации при рассмотрении метафор Грина в сравнении с метафорами русской языковой картины мира диссертант делает выводы: «В русской ЯКМ счастье и мечта метафорически обычно осмысляются как птица, в то время как у А. С. Грина – как котенок или олень. При этом последний в русском языковом сознании вообще не метафоризируется, а метафоры с лексемой *кошка* имеют скорее отрицательные коннотации». Неясно, на основании чего сделаны выводы относительно русской языковой картины мира. Кроме того, автор диссертации не учитывает того факта, что кроме национальной языковой картины мира существует еще и картина мира языка художественной литературы, в которой, как показывает третий выпуск «Материалов к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв.», «Звери, насекомые, рыбы, змеи», есть множество компаративных тропов с образами сравнения *котенок* и *олень*. Это же подтверждается и материалами Национального корпуса русского языка.

Не вполне корректно и утверждение диссертанта о том, что Грин впервые употребил слова *муха* и *ворона* в качестве метафор человеческих мыслей и чувств. «Материалы к словарю метафор и сравнений...» показывают, что мысли сравнивались с мухами, а чувства с воронами (чаще с *вóронами*) в русской литературе до Грина (правда, чаще в сравнительных конструкциях) (*мысли – мухи* в текстах Салтыкова-Щедрина, Апухтина, Анненского; *сердечные раны – враны* у Жуковского, *предчувствия – враны, тоска – ворон* у Ростопчиной и затем у Клюева, *горе – ворон* у Некрасова, *зависть – вран* у И. Дмитриева и у Дельвига), *чувства – стая воронья* у Л. Андреева, *страх – стая ворон* у Гумилева).

5. Во многих местах диссертации встречаются выводы о том, что определенные типы метафор встречаются в произведениях Грина «наиболее часто». Желательно было при привести в этих случаях количественные данные. Это касается, в частности, выводов о распространенности частеречных типов метафор (с. 23), о связи разных типов метафор с различными типами текста (с. 24), о том, что среди именных метафор Грина больше всего генитивных (с. 25), о том, что чаще всего Грин использует в своих произведениях соматический, растительный, предметный и антропоморфный коды (с.46) и др.

6. Следовало бы уделить больше внимания разграничению, с одной стороны, индивидуально-авторских метафор, а, с другой стороны, – общепозитических и общеязыковых, которые в ряде случаев приводятся в перечислении примеров наравне друг с другом (например, на с. 23: «мною *владел* этот мотив», на с. 26-27-28: «*холодная душа*», «*лягушачий рот*», «*змеиная улыбка*», «мир *полон* необнаруженного значения» и др.). Если бы такое разграничение при рассмотрении материала было всюду эксплицитно проведено, утверждение автора диссертации на с. 50 о преобладании в прозе Грина индивидуально-авторских метафор выглядело бы более обоснованным.

Опечатки в диссертации в целом очень немногочисленны, но все же требуют исправления (отметим курьезную опечатку *комизм* вместо *космизм* на с. 122).

Как можно видеть, перечисленные замечания не затрагивают существенных сторон исследования А. О. Ключевой, его выводов, которые мы оцениваем как достаточно обоснованные и научно достоверные. Полагаем, что перед нами законченное, самостоятельное и оригинальное исследование, обладающее научной новизной, теоретической и практической значимостью для дисциплин филологического цикла. По своему содержанию диссертация соответствует паспорту специальности 10.02.01 – Русский язык.

Автореферат и 15 публикаций, включая те их них, которые опубликованы в журналах, рекомендованных ВАК РФ, отражают основные положения диссертации.

Диссертация «Структура и функции метафор в произведениях А. С. Грина» полностью соответствует требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата наук (пп. 9–14 «Положения о порядке присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г № 842), а ее автор, Ключерова Анастасия Олеговна, заслуживает присуждения ей искомой ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.01 «Русский язык».

Официальный оппонент
Кандидат филологических наук
(специальность 10.02.01 «Русский язык»),
ведущий научный сотрудник
Отдела корпусной лингвистики
и лингвистической поэтики
ФГБУН Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН,
119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2
(+7 495) 695-26-60
e-mail. ruslang@ruslang.ru
www.ruslang.ru

3. Ю. Петрова
12 марта 2019 г

Подпись руки 3. Ю. Петровой
реферат Федерального государственного бюджетного учреждения
Института русского языка
им. В. В. Виноградова
Российской академии наук
"12" 03 19 20 19 г

